HN 530
.V 57
F 57
1900 z

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in
book pocket

RAZINOVSHCHINA-KAMK

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

LUX
LIBERTAS

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

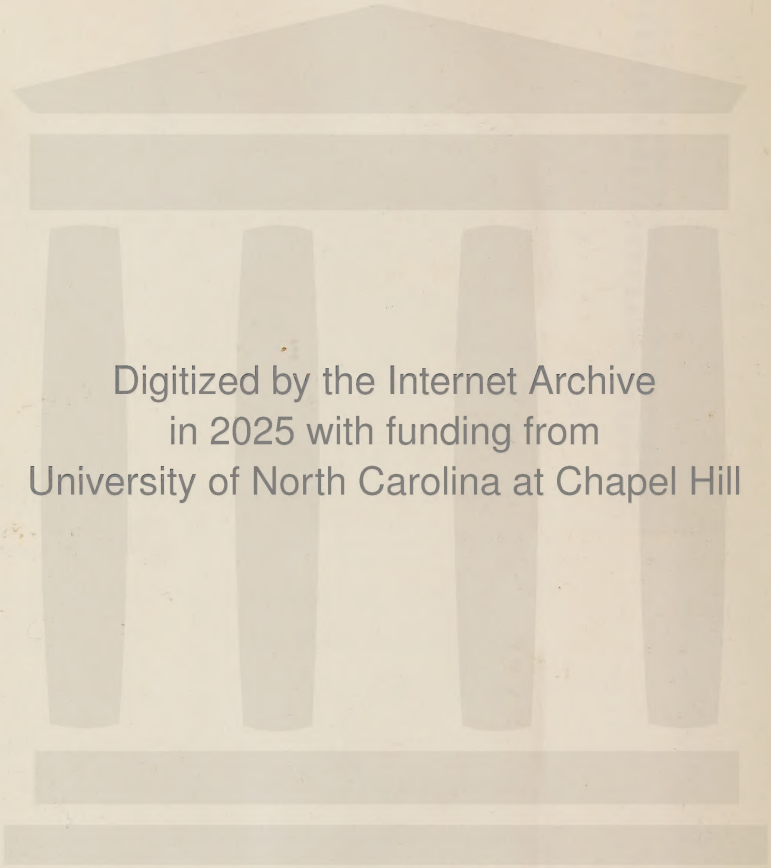
HN 530
.V 57
F 57
1900 z

00005641022

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513, Rev. 1/84



Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/razinovshchinaka00firs

СВОБОДНОЕ ЗНАНІЕ
Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ, подъ редакціею проф. Э. Д. Гримма, проф. Л. І. Петражицкаго, пр.-доц. В. В. Сиповскаго и проф. В. М. Шимкевича

РАЗИНОВЩИНА

КАКЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНІЕ НАРОДНОИ ЖИЗНИ

Н. Н. ӨИРСОВА
профессора Казанскаго университета

Съ 3 портретами

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ и Москва

СВОБОДНОЕ ЗНАНІЕ

Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ, подъ редакціею проф. **Э. Д. Гримма**, проф. **Л. І. Петражицкаго**, пр.-доц. **В. В. Сиповскаго** и проф. **В. М. Шимкевича**

Названіе изданія — «СВОБОДНОЕ ЗНАНІЕ» — ясно опредѣляетъ его характеръ, значеніе, цѣли, и въ этомъ названіи намѣчена его программа.

Предпринимая настоящее собраніе, мы имѣемъ въ виду посильно удовлетворить запросъ на научныя знанія со стороны русскаго общества—изданіемъ ряда самостоятельныхъ книжекъ, касающихся вопросовъ, непосредственно интересующихъ всѣхъ и каждаго по разнымъ отрасляхъ знанія, въ обработкѣ извѣстныхъ, преимущественно русскихъ ученыхъ и писателей. Строгая научность при доступномъ изложеніи, небольшой объемъ при возможно широкой, всесторонней обработкѣ предмета—таковы отличительныя черты, которыя мы намѣрены придать означенному изданію.

Редакторы и издатели.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА съ точки зрѣнія натуралиста. В. М. Шимкевича, проф. Спб. университета. Съ 11 рисунками. Ц. 30 коп.

КРОВЬ, изъ чего она состоитъ и для чего она нужна животному организму. А. С. Догеля, проф. Спб. унив. Съ 13 рисунками. Ц. 25 коп.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, какъ наука. В. В. Сиповскаго, прив.-доц. Спб. унив. Ц. 30 коп.

РАЗИНОВЩИНА, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. Н. Н. Ѳирсова, проф. Казанск. унив. Съ 3портр. Ц. 30 коп.

ГОТОВИТСЯ:

ЧТО [illegible] ГИНКТЪ? В. А. Вагнера, [illegible] унив.

[illegible]Г-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

СВОБОДНОЕ ЗНАНІЕ

Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ, подъ редакціею проф. **Э. Д. Гримма**, проф. **Л. І. Петражицкаго**, пр.-доц. **В. В. Сиповскаго** и проф. **В. М. Шимкевича**

ee
c
HN530
.V57
F57
1900z

РАЗИНОВЩИНА

Razinovshchina

СТЕНЬКА РАЗИНЪ,

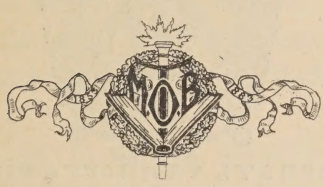
современный портретъ, гравюра Фюрста.

РАЗИНОВЩИНА

КАКЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНІЕ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

Н. Н. ӨИРСОВА

профессора Казанскаго университета

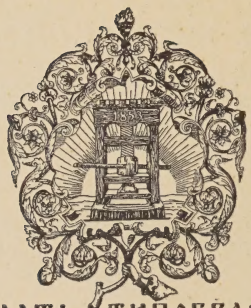


Razinovshchina

Съ 3 портретами

Изъ книгъ
Бориса Романова.

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА



ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С·Петербургъ · Вас· Остр· 16 линія соб· домъ·

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ

Разиновщина—это одно изъ самыхъ крупныхъ и самыхъ острыхъ проявленій народной оппозиціи тяжестямъ политическаго режима и соціальнаго быта въ Московскомъ государствѣ.

Эта оппозиція въ сущности была непрерывна и въ своей хронической формѣ выражалась въ бѣгствѣ наиболѣе непримиримыхъ индивидовъ изъ названнаго государства. Эмиграціонный потокъ сначала разливался преимущественно по рѣкамъ юго-восточной окраины, а позднѣе перелился и за Уралъ и ко 2-й половинѣ XVII стол. дошелъ до береговъ Тихаго океана.

Донъ былъ самымъ старымъ и наиболѣе вліятельнымъ центромъ эмиграціи изъ Московскаго государства, всё равно, какъ низовье Днѣпра съ давнихъ поръ привлекало выходцевъ главнымъ образомъ изъ Польши. Всѣ эти бѣглецы считали себя вольными людьми, назывались казаками, и если признавали власть—одни московскаго царя, другіе польскаго короля, то дѣлали это по доброй волѣ, а не по принужденію. Быстро развивавшееся казачество внушало Москвѣ и Варшавѣ серьезныя опасенія, и эти опасенія были вполнѣ основательны.

Запорожское казачество въ XVII ст. подняло всю Малороссію противъ Польши и тѣмъ нанесло ей смертельную рану, которая въ концѣ слѣдующаго столѣтія и свела Рѣчь Посполитую въ политическую могилу. Часть донского казачества въ томъ же XVII столѣтіи, хотя и нѣсколько позднѣе, подняла противъ Москвы низшіе классы населенія, сильно потрясла государство и, если и проиграла эту ставку, то все-таки не сочла своего дѣла окончательно погибшимъ...

Во второй половинѣ XVII столѣтія казачество было большой силой, несмотря на пораженіе его подъ конецъ великой смуты на Руси въ началѣ этого вѣка. Да и странно было бы думать, что можно было совершенно сломить и навсегда придавить казачество тою побѣдою, которую одержали надъ нимъ въ смутное время консервативные, домовитые, такъ сказать, буржуазные элементы русскаго народа. Разъ восторжествовалъ прежній политическій и соціальный порядокъ, то остались и прежнія причины хронической оппозиціи этому порядку, которая по старому вела къ пополненію казачества бѣглецами, готовыми при случаѣ снова начать открытую борьбу съ покинутымъ ими государствомъ и съ его высшими классами.

Какія же причины постоянной, хронической оппозиціи народныхъ массъ? Этотъ вопросъ неизбѣжно заставляетъ насъ взглянуть на тѣ условія, подъ дѣйствіемъ которыхъ приходилось жить русскому народу въ XVII столѣтіи.

I.

Общія политическія и соціальныя условія жизни въ Московскомъ государствѣ, подготовившія недовольство въ низшихъ классахъ народа.

Смутное время въ началѣ XVII столѣтія, бывшее главнымъ образомъ проявленіемъ борьбы низшихъ классовъ населенія противъ высшихъ, не могло не усилить соціальной розни между ними, классовой вражды. Послѣ Смутнаго времени этотъ процессъ отношеній продолжалъ развиваться въ значительной степени подъ давленіемъ внутренней политики правительства и административнаго произвола его органовъ. Разоренная смутой казна предъявила обнищавшему народу непосильныя требованія, тяжесть которыхъ администрація сумѣла еще увеличить; на нее-то, на бояръ и приказныхъ, прежде всего и обрушивалась классовая вражда неимущихъ къ имущимъ, «маломочныхъ» къ сильнымъ. Чтобы оцѣнить по достоинству интенсивность правительственныхъ требованій съ населенія, стоитъ только прочитать, напримѣръ, слѣдующее объясненіе сборщика, недостаточно, по мнѣнію власти, энергичнаго въ своей дѣятельности по взиманію «государственныхъ доходовъ»: «Я, государь,—оправдывался онъ,—посадскимъ людямъ не норовилъ и сроковъ не даю, пока не было вѣстей о литовскихъ людяхъ, то я правилъ

на нихъ твои государевы всякіе доходы нещадно, побивалъ на смерть...» Часто это побиваніе на смерть плательщиковъ шло гораздо дальше тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ оно было желательно самому правительству, какъ высшее выраженіе служебнаго усердія сборщикозъ. И такъ какъ эта система выбиванія изъ народа средствъ преслѣдовала во многихъ случаяхъ не столько интересы казны, сколько личные интересы правительственныхъ агентовъ, то неудивительно, что иногда за населеніе вступался самъ царь. «Извѣстились мы,—читаемъ мы въ грамотѣ 1620 года,—что въ городахъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, монастырямъ, служилымъ, посадскимъ, уѣзднымъ, проѣзжимъ всякимъ людямъ чинятъ насильства, убытки и продажи великія, посулы, поминки и кормы берутъ многіе».

Вообще, документы ясно показываютъ, что народу плохо жилось и отъ непосильныхъ требованій государства, и отъ злоупотребленій алчной администраціи — воеводъ и приказныхъ. Народъ плохо различалъ эти два давленія, и въ его представленіи они сливались въ одно притѣсненіе отъ «бояръ» и вообще отъ всякихъ сильныхъ людей, вотчинниковъ, помѣщиковъ и крупныхъ купцовъ. Съ увеличеніемъ требованій со стороны государства увеличивались обыкновенно и злоупотребленія воеводъ и приказныхъ; отсюда, вполнѣ естественно увеличивалась и соціальная рознь между верхами и низами общества, обострялись враждебныя чувства послѣднихъ къ первымъ. Многочисленныя, обращенныя къ царю, просьбы «оборонить» «меньшихъ» отъ сильныхъ съ теченіемъ времени стали обнаруживать тенденцію переходить въ болѣе активный протестъ.

Такой оборотъ дѣла, разумѣется, вовсе не входилъ въ виды высшаго правительства, и вотъ царь повелѣваетъ «приказнымъ своимъ людямъ» «оборонять» населеніе «отъ бояръ своихъ и отъ всякихъ людей». Къ чему вела такая царская политика? Конечно, лишь къ тому, что еще болѣе обостряло вражду низшихъ классовъ къ высшимъ: враждебное чувство къ боярамъ и другимъ сильнымъ людямъ переходило въ жгучую ненависть, готовую при всякомъ удобномъ къ тому случаѣ проявиться въ открытомъ стремленіи всѣхъ обездоленныхъ и обремененныхъ отмстить народнымъ притѣснителямъ. Въ числѣ послѣднихъ были и тѣ, которымъ царь великодушно поручалъ защиту населенія отъ бояръ, т.-е. приказные,— ядро московской бюрократіи, сдѣлавшейся ко 2-й половинѣ XVII столѣтія самой вліятельной силой въ управленіи страной. Къ этому же времени царь и его бояре, съ коими раньше онъ враждовалъ, начали дѣйствовать рука объ руку, стоя «на верху» бюрократической лѣстницы. Скоро наиболѣе проницательные изъ народной среды стали понимать, что фактически государственное управленіе ведется не столько самимъ царемъ, сколько близкими къ нему боярами. Такъ, послѣ московскаго мятежа 1648 года, въ народѣ говорили: «Государь молодой и глядитъ всё изо-рта у бояръ Морозова и Милославскаго; они всѣмъ владѣютъ, и самъ государь всё это знаетъ да молчитъ». Въ этомъ и причина, почему «міръ качается», какъ выразился агитаторъ, мнѣніе котораго о наличномъ значеніи царя въ правительствѣ мы сейчасъ привели. Дѣйствительно, въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича во многихъ мѣстахъ государства произошли мятежи: въ Москвѣ, въ Устюгѣ, въ Сольвычегодскѣ, въ Новгородѣ, въ Псковѣ... На сѣверо-западной окраинѣ, въ Новгородѣ, гдѣ истори-

ческія воспоминанія, особенно массовыя казни Ивана Грознаго, не содѣйствовали размышленіямъ о личной благожелательности царя по отношенію къ народу, матеріальныя бѣды приписывались прямо самому главѣ московскаго правительства: «государь о насъ не радѣетъ, — кричали здѣсь,—деньгами помогаетъ и хлѣбомъ кормитъ нѣмецкія земли». «Міръ качался», правительство боялось «міра». Такое настроеніе обѣихъ сторонъ не обѣщало ничего добраго и въ будущемъ. Такъ и было: отмѣченныя отношенія, при неизмѣнности общихъ причинъ, продолжали развиваться въ томъ же направленіи. Въ 1648 и ближайшіе годы мятежи были вызваны требовательной финансовой политикой, —увеличеніемъ налоговъ, особенно повышеніемъ налога на соль и злоупотребленіями сильныхъ людей; мятежъ въ 1662 году возникъ въ силу тѣхъ же причинъ: къ тяжестямъ податей, къ взиманію съ торговыхъ людей пятой деньги, къ неудачной финансовой операціи правительства съ мѣдными деньгами опять присоединились казнокрадство и безчисленныя притѣсненія отъ придворныхъ и приказныхъ людей, дѣйствовавшихъ рука объ руку съ ненавистными народу міроѣдами — «гостями» (крупнымъ служилымъ купечествомъ), и міръ опять закачался... Но и на этотъ разъ, какъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, закачался міръ городской, міръ посадскихъ и мелкихъ, рядовыхъ служилыхъ людей. Сельскій міръ былъ пассивнѣе: чтобы и ему подняться, еще не пришло время. Тѣмъ не менѣе городскіе мятежи, будучи выраженіемъ общаго недовольства, въ свою очередь, несомнѣнно усиливали оппозиціонное настроеніе во всей странѣ. Вѣдь городъ XVII столѣтія по складу своей жизни, даже по занятіямъ жителей, очень походилъ на большое село. Бунтуя противъ властей, городъ

не стремился къ чему-нибудь выходившему изъ сферы пониманія и воззрѣній села; да онъ и не могъ выставить какія-либо непонятныя крестьянству требованія. Духовное состояніе города и села было приблизительно одинаково, «чинъ» жизни того и другого былъ одного типа. Городъ, какъ административный и торговый центръ, былъ только чувствительнѣе къ несовершенствамъ управленія и къ экономическимъ тягостямъ жизни; но хлопоталъ онъ лишь о томъ, чтобы въ конецъ не погибнуть, и это-ли могло быть непонятно селу! И такъ, городскіе мятежи и то, какъ отвѣчало на нихъ правительство, не могли не вліять на сельскую, деревенскую Русь... Отлагаясь на психикѣ населенія горькими и скорбными чувствами, городскіе мятежи и правительственная расправа съ волнующимися мало-по-малу создавали въ коллективной душѣ народа то смутное, безысходно гнетущее состояніе, охваченные коимъ люди вообще не могутъ ручаться за свои поступки, то настроеніе, которое, при извѣстныхъ условіяхъ, толкаетъ народныя массы на открытую, отчаянную борьбу съ правящими слоями и государствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только вникнуть, напримѣръ, въ трагическій смыслъ московско-коломенскихъ событій 1662 г., чтобы уяснить себѣ тотъ психологическій путь, коимъ народъ постепенно подходилъ къ такой грандіозной драмѣ, какъ движеніе массъ по почину Стеньки Разина съ товарищами. Вотъ на что въ мятежѣ 1662 года слѣдуетъ обратить вниманіе. Черный и мелкій служилый людъ, выведенный изъ терпѣнія правительственнымъ и административнымъ гнетомъ, большой толпой пошелъ изъ Москвы въ Коломенское, гдѣ тогда жилъ Алексѣй Михайловичъ, дабы указать ему на виновниковъ своихъ бѣдъ, на «измѣнниковъ» и просить на нихъ управы. Толпа была безъ оружія, но шла съ

крикомъ и шумомъ и сильно перепугала царское семейство, застигнутое, повидимому, совершенно врасплохъ. Самъ «тишайшій» принужденъ былъ отъ обѣдни выйти къ народу и началъ его уговаривать «тихимъ обычаемъ» возвратиться въ Москву, обѣщая при этомъ «въ томъ дѣлѣ» объ измѣнникахъ, съ которымъ толпа пришла къ нему, «учинить сыскъ и указъ»; но народъ не отпускалъ царя, нѣкоторые держали его «за платье, за пуговицы» и съ сомнѣніемъ спрашивали: «чему вѣрить?» Царь побожился, «далъ имъ на своемъ словѣ руку», а одинъ изъ челобитчиковъ ударилъ съ нимъ по рукамъ, и послѣ того толпа направилась въ Москву. Начавъ успокоеніе волнующихся этимъ трогательнымъ рукобитьемъ, Алексѣй Михайловичъ не выдержалъ до конца взятой имъ на себя благодарной роли, и успокоеніе завершилось иначе,—такъ, какъ было принято въ подобныхъ случаяхъ. Толпа народа вскорѣ снова явилась въ Коломенское и гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ только-что предъ тѣмъ ушедшая отсюда. Дѣло въ томъ, что толпа, ушедшая изъ Коломенскаго, на дорогѣ встрѣтилась съ новой толпой, шедшей въ Коломенское, соединилась съ ней и пошла туда-же. На этотъ разъ толпа настойчиво и съ угрозами требовала выдачи тѣхъ, которыхъ народъ считалъ главными виновниками своихъ бѣдъ, а это были—тесть царя Илья Даниловичъ Милославскій, Иванъ Михайловичъ Милославскій, сокольничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ и гость Шоринъ. «Царь,—разсказываетъ Котошихинъ,—отговаривался, что онъ для сыску ѣдетъ въ Москву».

— Не дай погибнуть напрасно!—слышалось изъ толпы. Болѣе возбужденные стали кричать:—Буде добромъ тѣхъ бояръ не отдашь, то мы станемъ брать ихъ у тебя сами, по своему обычаю.

Въ отвѣтъ на это, по приказанію «тишайшаго», послѣдовалъ вооруженный натискъ стрѣльцовъ и придворныхъ чиновъ на безоружную толпу, которая къ тому-же въ громадномъ большинствѣ состояла изъ людей, по

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.
Гравюра на деревѣ, копія съ гравюры Фюрста, 1672 года.

показанію современника Котошихина, «невинныхъ», изъ любопытствующихъ зрителей, а не изъ активныхъ участниковъ въ «гилѣ»; послѣднихъ было ничтожное меньшинство—не болѣе 200 человѣкъ, тогда какъ перебили и забрали свыше 7000 человѣкъ, да потонуло, при бѣгствѣ,

въ рѣкѣ больше 100 человѣкъ; 150 человѣкъ было повѣшено около села Коломенскаго въ тотъ-же день, потомъ, «по указу,— свидѣтельствуетъ тотъ-же современникъ,—пытали и жгли и по сыску за вину отсѣкали руки и ноги и у рукъ пальцы», а иныхъ били «кнутьемъ» и до-красна раскаленнымъ желѣзомъ выжигали имъ на правой сторонѣ лица «буки, то-есть бунтовщикъ, чтобы былъ до вѣку признатень»; по наказаніи, эти несчастные были сосланы въ дальніе города: въ Казань, въ Астрахань, на Терки, въ Сибирь,—«на вѣчное житье»; сверхъ всего перечисленнаго, наиболѣе, по мнѣнію правительства, виновные въ мятежѣ были потоплены въ Москвѣ-рѣкѣ, въ ночь послѣ происшедшаго въ Коломенскомъ [1])... Спокойствіе было возстановлено. Но, увы, какъ вездѣ и всегда, недовольство народа своимъ положеніемъ нельзя было уничтожить и тогда, въ Московскомъ государствѣ XVII столѣтія, уничтоженіемъ тѣхъ недовольныхъ, которые отважились идти къ царю съ просьбой и даже съ требованьемъ, нельзя было выстрѣлами, застѣнкомъ, висѣлицами, потопленіемъ заставить народъ со смиреніемъ относиться къ обидамъ отъ сильныхъ властью и капиталомъ людей. Само собой понятно, коломенская расправа только усилила оппозиціонное настроеніе въ народныхъ массахъ, чему могли содѣйствовать и сосланныя ея жертвы... Эмиграція въ привычномъ, юго-восточномъ, направленіи пошла болѣе быстрымъ темпомъ...

Для такого переселенческаго движенія, производившагося безостановочно и усилившагося въ 60-хъ годахъ XVII столѣтія, кромѣ финансовой политики и бюрократи-

---

[1]) Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изд. 3-е, стр. 114—117.

ческой системы управленія со всѣми ея московскими особенностями, осложненіями и послѣдствіями, была и соціальная причина первостепенной важности: это ускоренными шагами пошедшее въ XVII столѣтіи закрѣпощеніе народа, получившее полную юридическую санкцію въ Соборномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Хотя это Уложеніе соборное, т.-е. было утверждено, а отчасти и вырабатывалось на земскомъ соборѣ 1648—49 гг., тѣмъ не менѣе оно не было выраженіемъ мнѣнія и воли всей русской земли. Уложеніе было созданіемъ правительства—съ одной стороны, служилаго и торгово-промышленнаго классовъ русскаго общества—съ другой. Главное, чего добивались чрезъ своихъ представителей эти классы, это—матеріальныя выгоды для нихъ самихъ. Кромѣ освященнаго собора, т.-е. собора высшаго духовенства, государевой думы, этихъ необходимыхъ элементовъ всякаго земскаго собора, на соборѣ 1648—1649 гг. только названныя классы и были представлены [1]). Оба эти класса, сѣтуя чрезъ своихъ представителей на привилегированное положеніе и произволъ высшаго духовенства, знати и администраціи, сами добивались для себя такихъ условій, которыя возможно лучше отвѣчали-бы ихъ собственнымъ классовымъ интересамъ. Въ силу вліятельнаго положенія этихъ классовъ, правительство было склонно не оставлять безъ удовлетворенія челобитій отъ служилыхъ—помѣщиковъ и отъ торгово-промышленнаго слоя. Соборъ 1648—49 гг. былъ едва-ли не самымъ замѣчательнымъ проявле-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи соборъ 1648—1649 гг. не былъ исключеніемъ: выборные отъ крестьянъ были только на одномъ соборѣ, именно на избирательномъ соборѣ 1613 года, если не считать за земскій соборъ комиссіи изъ тяглыхъ людей 1682 г.

ніемъ вліянія среднихъ классовъ общества на правящую бюрократію въ Московскомъ государствѣ XVII столѣтія. Результатомъ этого вліянія и было проведеніе въ Уложеніе законоположеній, серьёзно обезпечивавшихъ матеріальные интересы дворянъ и купцовъ. Для нашей цѣли достаточно указать на окончательное закрѣпощеніе Уложеніемъ крестьянства, разумѣется, — въ интересахъ служилаго дворянства, и на удаленіе торгующихъ крестьянъ изъ посадовъ,—понятно—въ интересахъ посадскаго торгово-промышленнаго люда. Помѣщикъ и купецъ были господами положенія на соборѣ 1648—49 гг.; но, конечно, на первомъ планѣ предъ лицомъ царя и его правительства стоялъ помѣщикъ, представитель главной военной силы государства. Ради именно этой силы, Уложеніе не признаетъ ни собственности, ни личности крестьянина. Съ крестьяниномъ владѣлецъ могъ сдѣлать всё, что угодно, ибо, по Уложенію, крестьянинъ не имѣетъ права жаловаться на своего господина: исключеніе изъ этого общаго закона было установлено только для доноса о государственномъ преступленіи; во всемъ-же остальномъ владѣлецъ непогрѣшимъ предъ лицомъ правительства, а крестьянинъ всегда виноватъ, какія-бы насилія ни чинилъ надъ нимъ его владѣлецъ. Ясно, что къ концу 1-й половины XVII вѣка крѣпостное право на крестьянъ сдѣлало столь большіе успѣхи, что de jure ему уже некуда было идти дальше того, какъ оно было формулировано въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Крестьянинъ почти уравнялся съ полнымъ холопомъ, а полный холопъ по своему соціальному положенію въ сущности былъ тѣмъ-же, чѣмъ былъ рабъ ранней эпохи, и за это положеніе, въ которое гнала его нужда, холопъ, при случаѣ, жестоко мстилъ своему господину...

Послѣ всего сказаннаго вполнѣ понятно то обстоятельство, что главная масса народа, интересы которой были такъ попраны на земскомъ соборѣ 1648—49 гг., которая даже въ лицѣ невладѣльческихъ крестьянъ лишена была возможности подать свой голосъ на этомъ соборѣ,—не питала большой признательности ни къ государству, принесшему ея интересы въ жертву своимъ цѣлямъ, ни къ обществу, потребовавшему отъ государства этой жертвы въ своихъ интересахъ. Такъ жизнь и политика создавали тяжелыя условія существованія для неимущаго большинства, и оно, согласно самой природѣ вещей, ненавидя эти условія, отнеслось, когда подошло подходящее время, открыто-отрицательно и къ той государственно-общественной организаціи, которая создавала многія изъ этихъ условій, и къ тѣмъ лицамъ, и общественнымъ классамъ, которые считались народомъ наиболѣе виновными въ созданіи тяжелыхъ условій жизни. И такъ, резюмируя изложенное, мы можемъ сказать: внутренняя, въ особенности финансовая политика и административный произволъ, крѣпостное право на крестьянъ и произволъ владѣльцевъ, узаконенные Уложеніемъ,—вотъ тѣ основныя причины, которыя создавали невыносимую тяжесть жизни, обостряли недовольство правительствомъ и господствующими классами въ городѣ и селѣ; обострившееся недовольство усилило изъ того и другого побѣги, вызвало мятежи, неумѣлое отношеніе къ которымъ со стороны верховной власти еще болѣе внесло смуты, вражды, темныхъ и жестокихъ чувствъ въ народную психику. Это—вообще. Въ частности-же, въ Поволжьѣ была наиболѣе удобная почва для развитія этихъ чувствъ. Здѣсь, главнымъ образомъ на нижнемъ и среднемъ теченіи Волги, средствъ у государства для поддержанія своего авторитета было мало, а произвола администраціи и

помѣщиковъ было больше, чѣмъ гдѣ-либо въ остальной Руси. «... Около половины XVII столѣтія,—говоритъ извѣстный историкъ Поволжья проф. Перетятковичъ,—тягости, налагаемыя на крестьянъ нѣкоторыми частными землевладѣльцами въ Поволжьѣ, увеличились въ нѣсколько разъ сравнительно съ прежними». Сбродный составъ русскаго поволжскаго населенія и его настроеніе стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи и съ недостаточностью правительственной охраны, и съ ничѣмъ несдерживаемыми аппетитами разнаго рода властныхъ людей. Сверхъ того, Поволжье—страна инородцевъ, сравнительно недавно (по отношенію къ разсматриваемой порѣ) покоренныхъ и потому особенно чувствительныхъ къ тяжелымъ фискальнымъ требованьямъ московскаго правительства. Въ теченіи всего XVII вѣка матеріальное положеніе инородцевъ не улучшалось, а ухудшалось при неусыпномъ содѣйствіи этому со стороны служилаго люда. Къ тому-же ко времени Никона инородцы перестали пользоваться вѣротерпимостью: такъ, началось насильственное обращеніе мордвы въ христіанство. Словомъ, политическія и соціальныя условія общей русской и мѣстной поволжской жизни подготовили населеніе юго-восточной, наиболѣе безпокойной, окраины къ мятежному взрыву. Самъ Разинъ съ товарищами былъ продуктомъ тѣхъ-же самыхъ условій. Именно они, указанныя выше условія, выбросили съ легальнаго общественнаго положенія на тихій, синій Донъ столь большое количество недовольныхъ порядками и своею жизнью, неужившихся въ государствѣ индивидовъ, что Донъ переполнился бродягами со всей Руси, оказавшимися и здѣсь въ положеніи лишнихъ людей. Поневолѣ имъ пришлось собираться вмѣстѣ и «думушку думать», какъ выйти изъ своего почти безвыходнаго положенія...

II.

Положеніе дѣлъ на Дону и начало здѣсь „воровского собранія".

Московскому правительству было хорошо извѣстно, какое явленіе вызвали на Дону усилившіеся туда побѣги. «Во многіе донскіе городки,—читаемъ мы въ одной грамотѣ царя Алексѣя Михайловича,—пришли съ Украйны бѣглые боярскіе люди и крестьяне, съ женами и дѣтьми, и отъ того нынѣ на Дону голодъ большой» [1]). Вотъ въ чемъ основная причина начавшагося «воровского собранія»: на Дону голодъ большой. Въ грамотѣ точно указана и причина голода: на Дону скопилось слишкомъ много пришлаго люда

Не забудемъ, что Донъ принималъ всѣхъ, даже преступниковъ, и никого не выдавалъ. Обычай не выдавать бѣглыхъ родился на Дону вмѣстѣ съ зарожденіемъ донского казачества и былъ первымъ устоемъ свободы и независимости этой своеобразной общественной группы. Этотъ, такъ сказать, основной законъ неписаннаго, обычнаго казацкаго права признавало и само московское правительство. Вѣдь оно, подъ видомъ государева жалованья, въ сущности платило дань владѣльцамъ тихаго Дона и тѣмъ какъ-бы санкціонировало правомѣрность создавшагося на Дону уклада жизни. Съ другой стороны и коренное донское казачество не любило ссориться съ московскимъ правительствомъ, не потому, что его боялось, а потому, что для донцевъ была-бы слишкомъ неудобна остановка въ привозѣ отъ «великаго государя» на Донъ хлѣба, вина,

[1]) Акты историч., т. IV, № 202, стр. 374.

пороху, свинцу, одежды [1]). Во всемъ этомъ донское казачество очень нуждалось, особенно въ хлѣбѣ, ибо Донъ совсѣмъ не имѣлъ своего хлѣба. Бывшіе мужики, превратившіеся въ воиновъ, не желали на волѣ быть земледѣльцами, и хлѣбопашество на Дону было запрещено подъ страхомъ смертной казни [2]).

При такомъ-же положеніи дѣла на Дону хлѣбное жалованье государя московскаго не могло устранить здѣсь возможности большого голода, ибо оно не увеличивалось въ той-же прогрессіи, въ какой увеличивалось число кандидатовъ на него послѣ окончательнаго закрѣпощенія крестьянъ. Жалованье посылали главнымъ образомъ для стараго, коренного казачества, которое успѣло уже обжиться на Дону и сдѣлаться домовитымъ, верхнимъ слоемъ донского населенія: въ рукахъ этого казачества собственно и находилась правительственная власть надъ всѣмъ Дономъ; но домовитое казачество, какъ уже сказано, было лишь частью всего донского казачества, это была казацкая буржуазія; другая его часть, не сумѣвшая или еще не успѣвшая пріобрѣсти прочное матеріальное положеніе на Дону, представляла казацкую голытьбу, это была казацкая демократія, которая и являлась наиболѣе страстной, энергичной выразительницей настоящаго казацкаго духа и пользовалась наибольшимъ сочувствіемъ народныхъ массъ.

Вышеотмѣченныя условія жизни въ Московскомъ государствѣ повели къ тому, что именно эта часть донского казачества и стала увеличиваться съ необыкновенной быстротой; конечно, царское жалованье, вообще довольно

---

[1]) Забѣлинъ. Посольскія путешествія въ Турцію въ XVII стол. (Русская старина, XX, 1877 г., стр. 5).

[2]) Дружининъ. Расколъ на Дону, стр. 16.

консервативное, не могло спасти Донъ отъ голода, и голодъ и притомъ большой здѣсь возникъ...

Надо было какъ-нибудь выйти изъ отчаяннаго положенія, въ которомъ очутилось немало бездомнаго, голоднаго люда на Дону. Единственное средство къ тому видѣлось въ организованіи предпріятія за добычей, или, по казацкой терминологіи, за «зипунами...» Но вотъ бѣда: одинъ знакомый казакамъ путь—на Черное море—былъ закрытъ «учиненными отъ турскихъ людей крѣпостями», оставался другой, не менѣе знакомый путь — на Волгу... Среди голытьбы началось сильное броженіе и, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, у нея скоро нашелся и предводитель, свой атаманъ, Степанъ Тимофеевичъ Разинъ...

Что отъ «скудости большой» на Дону голытьба надумала идти на Волгу, это отнюдь не скрывалось казаками и быстро сдѣлалось извѣстнымъ московскому правительству. Такъ, на Волгу, въ зимовье одного рыбацкаго струга, пришли два казака, одинъ съ Дону, другой бѣглый крестьянинъ Шацкаго уѣзда «и говорили, что будетъ воровское собраніе казаковъ весной, на Волгѣ воровать» [1]. Симптомы казацкихъ намѣреній и броженія были настолько ясны, что даже тогдашній, вообще, не очень дальновидный, воевода предусматривалъ «воровство» весной на Волгѣ и полную возможность этого мотивировалъ указаніемъ на голодъ и многолюдство на Дону. Такъ и случилось.

«Воровское собраніе», организованное Разинымъ на Дону, потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ пробраться на Черное море, сначала двинулось вверхъ по Дону; войсковой

---

[1]) Акты историч., т. IV, № 202, стр. 375.

атаманъ Корнило Яковлевъ и другіе казаки видѣли, какъ разинцы прогребли мимо ихъ Черкасскаго городка; за разинцами была послана погоня, но ихъ не нашли, а только «вѣдомо учинилось» «всему войску», «что де тотъ Стенька Разинъ съ товарищами пошелъ на Волгу рѣку воровать». Нѣсколькими днями позднѣе Корнило Яковлевъ сообщилъ царицынскому воеводѣ Андрею Унковскому, «что тотъ Стенька съ товарищами многіе городки разоряютъ и грабятъ торговыхъ людей и побиваютъ», сообщилъ и о томъ, что онъ, Яковлевъ, и всё войско посылали за ними въ погоню и что «ихъ не догнали», но что они все-таки «велѣли собирать другихъ погонщиковъ, чтобы того Стеньку изъ судовъ выбить». Таковы были отписки донского казацкаго старшины; видимо, ему и «всему войску, т.-е. всей домовитой части донского казачества хотѣлось одного: чтобы Стенька съ товарищами какъ можно скорѣе убрался съ Дону куда-бы то ни было, хотя-бы на Волгу или на Яикъ, куда его звали,—лишь-бы освободиться отъ многихъ безпокойныхъ голутвенныхъ людей; почему совсѣмъ не въ интересахъ администраціи и буржуазіи тихаго Дона было догонять и задерживать собравшуюся шайку «воровскихъ» казаковъ. Каково было ихъ количество, въ точности не было извѣстно; царицынскій воевода посылалъ развѣдать о нихъ и ему донесли, что воровскіе казаки и Разинъ еще «на Дону выше Паншина городка, межъ Тишини и Ловлы рѣкъ, стоятъ на буграхъ, а около тѣхъ бугровъ во а большая и про нихъ де подлинно провѣдать и смѣтить, сколько ихъ человѣкъ и у нихъ струговъ и каковы струги, не мочно и языка у нихъ поймать за большою водою нельзя». Стороною было узнано, что всѣхъ разинцевъ «человѣкъ тысячу и больше, потому что къ тѣмъ воровскимъ казакамъ тайнымъ обы-

чаемъ многіе люди уходятъ безпрестанно»[1]). Такимъ образомъ, недостатка въ желающихъ принять участіе въ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ этого «воровского собранія» не было, и Разинъ двинулся на Волгу... И скоро тамъ «міръ» «закачался».

Отмѣтивъ причины этого движенія, мы теперь были-бы должны обратиться къ повѣствованію о самомъ мятежѣ во всей его хронологической и прагматической послѣдовательности; но мы воздержимся отъ такого повѣствованія, во-первыхъ, потому, что оно было-бы лишь пересказомъ превосходныхъ повѣствованій о разинскомъ возмущеніи Попова, Костомарова и Соловьева, а, во-вторыхъ,—и это главное, — потому, что не въ томъ заключается цѣль настоящей статьи. Мнѣ хотѣлось-бы представить вниманію читателя опытъ общей характеристики Разиновщины, какъ соціологическаго и психологическаго явленія народной жизни, а къ такой цѣли всего скорѣе ведетъ не пересказываньe сюжета, какъ-бы оно ни было подробно и занимательно, а изученіе генезиса даннаго явленія (что нами уже сдѣлано) и наиболѣе важныхъ сторонъ его соціологической и психологической природы (что намъ предстоитъ еще сдѣлать въ слѣдующихъ главахъ).

III.

Общественные элементы, принимавшіе участіе въ движеніи Разина, и раіонъ, захваченный этимъ движеніемъ.

Прежде всего предъ нами вопросъ о тѣхъ общественныхъ элементахъ, которые приняли участіе въ движеніи Степана Разина.

[1]) Акты историч.. т. IV, № 202, стр. 376.

Разумѣется, первый элементъ, какъ это видно изъ предыдущаго изложенія, — сами казаки, та ихъ соціальная категорія, которая носила названіе голутвенныхъ казаковъ. Эта категорія по своему этнографическому составу, какъ и все донское казачество, представляла по преимуществу недовольную Великороссію, но въ ней было немало представителей и оппозиціонной Малороссіи. Вообще слѣдуетъ помнить, что донское казачество составилось изъ бродягъ всей Руси, какъ собственно изъ Московскаго государства, такъ отчасти изъ Украйны и Запорожья [1]). Связь и притомъ тѣсная связь Дона съ Запорожьемъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Да и какъ не быть этой связи, когда, какъ указывалось въ одномъ московскомъ статейномъ спискѣ (отъ 1649 г.), и «православная вѣра одна и многіе ихъ (запорожцевъ) братья на Дону бывали и нынѣ есть, и на море для зипуновъ хаживали вмѣстѣ, и хлѣбъ-соль у великаго донского войска ѣдали». Сверхъ того, въ составѣ населенія донскихъ городковъ было много черкасовъ, т.-е. выходцевъ изъ Малороссіи [2]). Неудивительно послѣ этого, что во времена Разина запорожцы играли на Дону не послѣднюю роль. Такъ, партія въ 400 человѣкъ двинулась съ Дона на Куму съ тѣмъ, чтобы потомъ съ этой рѣки идти на Терекъ, къ Гребенскимъ казакамъ, а предводителемъ этой партіи былъ запорожецъ Боба [3]). Это былъ одинъ изъ обычныхъ путей донскихъ казаковъ на Волгу (чрезъ Каспійское море), другой путь на Волгу, это—тотъ, ко-

---

[1]) Поповъ. Возмущеніе Стеньки Разина, «Бесѣда», т. I, стр. 67.

[2]) Дружининъ. Расколъ на Дону, стр. 34 и 35, Поповъ, «Бесѣда», т. I, стр. 69.

[3]) Акты историч., т. IV, стр. 392.

торымъ двинулся отъ Черкасскаго городка самъ Разинъ,— вверхъ по Дону, а затѣмъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ водораздѣла волокомъ въ Волгу. Разинъ понималъ, какую значительную поддержку ему могутъ оказать черкасы. Не даромъ предъ своимъ вторымъ походомъ на Волгу, поджидая возвращенія изъ Москвы своихъ посланцевъ, Разинъ грозилъ соединиться съ запорожскими и малороссійскими казаками, съ Сѣркомъ и Дорошенкомъ. Есть извѣстіе, что будто-бы Дорошенко и Сѣрко списывались со Стенькой и желали узнать, «въ какомъ урочищѣ сойтиться вмѣстѣ» [1]). Во всякомъ случаѣ одно несомнѣнно, что Разинъ вступилъ въ сношенія съ запорожцами, и изъ Сѣчи пришло къ нему немало волонтеровъ [2]). Дѣйствительно, на Волгѣ запорожцы оказались въ числѣ наиболѣе энергичныхъ сподвижниковъ Разина и его донской вольницы. Оффиціальный документъ свидѣтельствуетъ объ этомъ съ полной опредѣленностью: такъ, городъ Царицынъ былъ взятъ не только Стенькой и «многими» его «людьми», но и соединившимися съ нимъ... «запорожскими черкасами съ полковникомъ Ерикомъ», а послѣ этого событія Черкасы участвовали въ походѣ Разина на верховые города, слѣдуя «по обоимъ берегамъ Волги въ пѣшемъ и конномъ строю», въ то время, какъ самъ Разинъ со своими казаками шелъ «водянымъ путемъ» на стругахъ [3]).

Кромѣ отмѣченной связи тихаго Дона съ Днѣпромъ, также несомнѣнна связь его и съ Яикомъ. Эта послѣдняя связь была даже прочнѣе, ибо Яикъ былъ ближе по происхожденію къ Дону: Яикъ составился главнымъ образомъ изъ вели-

---

[1]) Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина. Москва, 1857 г., стр. 194.

[2]) Поповъ, «Бесѣда», т. II, стр. 20.

[3]) Матеріалы, стр. 238.

коруссовъ, изъ которыхъ многіе переселились на эту рѣку съ Дона; Яикъ, слѣдовательно, былъ младшимъ братомъ Дона и въ эпоху Разина относился къ своему старшему брату весьма почтительно. Такъ, когда у Разина еще не было славы, когда онъ только «собирался» съ голытьбою и обдумывалъ, куда-бы идти за «зипунами», съ Яика пришло къ нему приглашеніе идти туда, къ Яицкому городку—«воровать большими людьми», «городокъ взять и учюгъ разорить, а самому сѣсть въ томъ городкѣ и, выходя изъ того городка, на морѣ и на Волгѣ воровать» [1]). Разинъ такъ и поступилъ. Пограбивъ на Волгѣ струги царя, патріарха, московскаго гостя, возбудившаго въ Москвѣ народную ненависть къ себѣ,—Шорина и другихъ лицъ, Разинъ явился моремъ въ устьѣ Яика и здѣсь былъ встрѣченъ поджидавшими его яицкими казаками. Яицкій городокъ былъ сданъ Разину его доброхотами, а это обстоятельство и усиленіе вольницы атамана яицкими казаками и сдѣлали возможнымъ его смѣлый морской походъ къ персидскимъ берегамъ. И такъ, если Запорожье помогло Разину во второй періодъ его страшной дѣятельности, то Яикъ указалъ ему планъ дѣйствій и увеличилъ его «воровской» авторитетъ въ самомъ началѣ его атаманской карьеры.

Такимъ образомъ движеніе Стеньки Разина вскрываетъ предъ наблюдателемъ весьма грозный фактъ солидарности казачества въ его «воровскихъ» предпріятіяхъ. Казачество занимало обширныя пространства нынѣшней южной и юго-восточной Россіи, и такая солидарность уже сама по себѣ была достаточна, чтобы внушить московскому правительству и его агентамъ большія опасенія и

---

[1]) Акты историч., № 202, стр. 376.

даже страхъ; но этого мало: солидарность была болѣе глубокой; она обнаруживается не только между отдѣльными центрами казачества, но и вообще между всѣми общественными элементами, стремящимися въ казачество, способными моментально заразиться настоящимъ казацкимъ «воровскимъ» духомъ. Въ самомъ дѣлѣ, кого только не было въ казацкой вольницѣ Разина! «Какая смѣсь одеждъ и лицъ»: главная масса, какъ сказано, — великоруссы, потомъ малороссы, но здѣсь можно было встрѣтить представителей и разныхъ другихъ народностей — новокрещенныхъ татаръ, ляховъ и проч.

Соціальный составъ этой вольницы ясенъ уже изъ выше сказаннаго: говоря кратко, это было общество бѣглыхъ холоповъ, крестьянъ, посадскихъ и преступниковъ, приговоренныхъ къ казни за «разбойныя татины и иныя дѣла». Эти элементы указаны Котошихинымъ для всего донского казачества, но они, конечно, имѣли мѣсто и въ разинской вольницѣ. Послѣ-же того, какъ Разинъ пріобрѣлъ извѣстность своими подвигами за Каспіемъ и на Волгѣ и, по заключеніи договора съ московскимъ правительствомъ, вернулся на Донъ, къ нему потянулись гулящіе люди толпами со всѣхъ сторонъ: и съ самого Дона, и съ Хопра, и съ Волги. Большія шайки «голутвенныхъ» казаковъ начала вбирать въ себя внушительная дружина Разина, скоро достигшая до 7000 человѣкъ [1]). Такъ, голытьба, разсѣянная повсюду въ обширномъ раіонѣ казачества, сконцентрировалась около Разина, и уходъ ея съ Дона равнялся очисткѣ этой рѣки отъ крайне безпокойнаго элемента. На Волгѣ войско Разина пополнилось еще болѣе

---

[1]) Котошихинъ, стр. 107; Поповъ, «Бесѣда», т. I, стр. 68; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XI, стр. 403.

разными бездомными людьми, волжскими судовыми рабочими и измѣнившими правительству стрѣльцами. Но при всѣхъ успѣхахъ по составленію своей казацкой дружины, Стенька Разинъ сдѣлался опаснымъ московскому государству, такъ-же, какъ и Хмѣльницкій Польшѣ, не своимъ казацкимъ войскомъ, а сочувствіемъ народныхъ массъ борьбѣ, предпринятой казачествомъ. Сочувствовалъ Разину весь черный людъ—города и села и, разумѣется, мѣстности, ближайшія къ Дону и волжскому театру казацкихъ воровскихъ дѣйствій были, въ силу этого сочувствія, всегда менѣе надежны въ глазахъ правительственныхъ агентовъ. Такъ, напр., настроеніе воронежцевъ и тамбовцевъ не внушало московскимъ служилымъ людямъ ничего утѣшительнаго. «На тамбовцевъ,—писалъ одинъ изъ воеводъ,—въ нынѣшнее смутное время надѣяться не на кого, потому что у нихъ на Дону братья, племянники и дѣти, а иные у Стеньки Разина». Въ волжскихъ городахъ, во время второго похода Разина на Волгу, ждали его съ нетерпѣніемъ, а уѣздные люди—крестьяне—шли къ нему толпами, и такимъ образомъ казацкое войско воровского атамана существенно пополнилось многочисленными народными ополченіями. Кромѣ того, обширный край, взволнованный слухами объ успѣхахъ Разина и его воззваніями, представлялъ сплошное зарево народнаго мятежа. Изучая источники, можно опредѣленно выяснить составъ бунтующихъ массъ. «Приставальщики» къ «воровскому» казацкому движенію, какъ именуются здѣсь участники въ немъ изъ народа, это, по документамъ,—вообще «чернь»; но въ тѣхъ-же документахъ имѣются указанія, изъ кого состояла эта «чернь». Это прежде всего городскіе жители изъ низовъ населенія и сельскіе «мужики», главнымъ образомъ, конечно, крестьяне, а этнографически это —

русскіе и инородцы. Инородческое населеніе бунтовало не меньше, чѣмъ русское: поднялись чуваша, черемиса, мордва; въ мятежѣ принимали также участіе калмыки, башкиры и небольшими партіями татары. И достойно вниманія то обстоятельство, что русскіе мятежники дѣйствовали рука объ руку съ инородцами.

Во главѣ бунтующей «черни» стояли большею частью «воровскіе казаки», атаманы и сподвижники Разина. Нижеслѣдующая выдержка изъ оффиціальнаго сообщенія объ одномъ изъ эпизодовъ этого народнаго движенія даетъ довольно точное представленіе и о составѣ мятежныхъ бандъ, и объ общей картинѣ движенія ихъ на города. Это — эпизодъ изъ возстанія въ предѣлахъ такъ называемой Симбирской черты, гдѣ много было горючаго соціальнаго матеріала для народнаго бунта и гдѣ поэтому онъ долженъ былъ пріобрѣсти наибольшую напряженность, и онъ на самомъ дѣлѣ здѣсь разгорѣлся особенно сильно... 16-го сентября вечеромъ «къ Олатырю», писалъ въ Москву воевода дѣйствующаго противъ мятежниковъ отряда, кн. Юрій Долгорукій, «пришли воровскіе казаки, а съ ними многіе Синбирскіе Черты русскіе люди и Мордва, и Черемиса и Олаторскаго уѣзда Мордва-жъ и крестьяне, и учали къ острогу приступать и острожную башню зажгли и въ острогъ вошли... и воевода Акинфей Бутурлинъ, острогъ покиня, бѣжалъ въ рубленый городъ, а они изъ острогу въ рубленый городъ не поспѣли, а ушли съ Олатыря въ лѣсъ и пошли подлѣ рѣки и видѣли они, что отъ зажогу острожные башни рубленый городъ почалъ горѣть весь». Этотъ эпизодъ случился въ самый разгаръ успѣховъ главнаго вождя съ его огромными народными ополченіями. Но вотъ звѣзда Разина закатилась. Разбитый подъ Симбирскомъ, онъ 1-го октября бѣжалъ внизъ по

Волгѣ, а потомъ на Донъ, предоставивъ ополченія астраханцевъ, саратовцевъ, алаторцевъ ихъ собственной участи; тѣмъ не менѣе взволнованное народное море далеко не сразу успокоилось и волны его и послѣ пораженія Разина состояли изъ прежнихъ элементовъ. Вотъ что въ ноябрѣ писалъ въ Москву кн. Барятинскій о положеніи дѣла: «Кузьмодемьянскіе-жъ, государь, градскіе жители и уѣздные рускіе люди тебѣ великому государю измѣнили многіе и ушли съ воровскими людьми въ Ядринъ и воруютъ съ ними за одно, а Кузмодемьянскаго, государь, уѣзду нагорные стороны Черемиса вся воруетъ съ воровскими казаками». Къ тому-же мятежные общественные элементы продолжали собираться въ значительномъ количествѣ. Тотъ-же кн. Барятинскій увѣдомлялъ, что, какъ выяснилось по допросамъ забранныхъ воровскихъ людей, въ приходѣ 16-го ноября подъ Козмодемьянскъ съ цѣлью его взятія участвовали, кромѣ воровскихъ казаковъ съ атаманомъ Ивашкой Константиновымъ и со старшинами Ивашкой Васильевымъ, Пронкой Ивановымъ и Ивашкой Андреевымъ, «воровскіе рускіе люди» Алатырскаго, Ядринскаго, Курмышскаго, Арзамаскаго, Нижегородскаго, Цивильскаго, Чебоксарскаго и Козьмодемьянскаго уѣздовъ, стало-быть «уѣздные люди»—сельчане, затѣмъ градскіе жители г. Козмодемьянска «съ тысячу человѣкъ» и, наконецъ, инородцы тѣхъ-же уѣздовъ — «Чуваши и Черемисы съ 12,000 чел.».

И такъ, изученіе составныхъ элементовъ бунтовавшихъ во времена Разина народныхъ массъ приводитъ къ установленію факта солидарности между воровскими казаками, горожанами и сельчанами, а также между раздраженнымъ и закачавшимся русскимъ міромъ и такимъ-же инородческимъ. Если мы ко всему сказанному прибавимъ, что ру-

ководителями этого объединеннаго бѣдствіями и ненавистью русско-инородческаго «міра» были не только воровскіе казаки, не только всѣ эти Ивашки, Проньки, Ѳедьки, Савки, Васьки Усы, Шелудяки, но мѣстами и попы, то соціальный составъ Разиновщины будетъ указанъ достаточно полно. При такой солидарности разныхъ разрядовъ простого народа, при сочувствіи движенію, какъ со стороны всего простого народа, такъ и со стороны нѣкоторыхъ представителей бѣлаго духовенства, неудивительно, что Разиновщина захватила въ свои страшныя объятія все Нижнее и Среднее Поволжье и прилегающія къ нему мѣстности, особенно на западъ отъ Волги, на обширномъ пространствѣ приблизительно до Рязани и Воронежа въ нынѣшнихъ губерніяхъ Симбирской, Пензенской и Тамбовской [1]).

IV.

Стенька Разинъ, какъ типическій представитель казацкой „голытьбы“ или „воровскихъ казаковъ и его вліяніе на этотъ разрядъ казачества, а также и вообще на неимущіе слои населенія“. Общественный идеалъ, стремленія, интересы и вкусы Разина съ товарищами и народныхъ массъ, обозначившіеся во время мятежа.

Если мы теперь припомнимъ то, что сказано было выше о причинахъ возникновенія недовольства въ низшихъ классахъ населенія, то мы поймемъ, почему мятежъ

[1]) Матеріалы, стр. 80—83; 94, 99, 205—207, 122, 148, 155, 239, 124, 120, 121, 206 и др. Ср. Соловьевъ, т. XI, стр. 441, 433, 443; Поповъ, «Бесѣда», т. II, стр. 29; Костомаровъ, Собр. сочин., Спб., 1903 г., т. I, стр. 471.

распространился на такой широкій районъ: это сдѣлали тѣ же, отмѣченныя выше, тяжелыя политическія и соціальныя условія существованія русскаго народа и въ частности восточной окраины. Но и при такомъ объясненіи Разиновщины, какъ сильнаго обостренія хронической народной оппозиціи государственному и общественному порядку, вовсе не сводится къ нулю историческая роль того лица, которое явилось вождемъ движенія. Крупная историческая роль Разина не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Стенька Разинъ обладалъ всѣми физическими и психическими данными, чтобы оказать могущественное вліяніе на толпу, вызвать ея подражаніе. Обладатель физической мощи древняго историческаго богатыря, Разинъ совмѣщалъ въ своей психикѣ острый, умѣющій пользоваться обстоятельствами, умъ съ необузданнымъ чувствомъ и непреклонной волей. Это была натура столь же широкая, какъ необозримая, ее породившая, русская степь. Это несомнѣнно былъ одинъ изъ тѣхъ самородковъ, которые иногда выбрасываются изъ таинственныхъ нѣдръ народной жизни на ея поверхность и поражаютъ наблюдателя преимущественно какою-то истинно богатырскою неукротимостью воли. Постоянная кровавая борьба, постоянное исканіе добычи, въ чемъ вѣками упражнялось наше казачество, постоянныя опасности и беззаботно-презрительное отношеніе къ своей и чужой жизни и смерти, создавая, путемъ наслѣдственности, самородки воли, въ то-же время и закаляли ихъ до такой твердости, что смять ихъ, согнуть не оставалось никакой возможности: ихъ можно было только разбить чѣмъ-нибудь болѣе крѣпкимъ, болѣе громоздкимъ... Разинъ и былъ такимъ прирожденнымъ и закаленнымъ условіями жизни и среды

стальнымъ характеромъ, богатыремъ воли и дѣйствія. Этого уже было достаточно, чтобы стать головой выше толпы и внушить ей увѣренность въ успѣхѣ того, на что

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.
Гравюра неизвѣстнаго художника.

такой богатырь ее звалъ... Но Разинъ представлялъ нѣчто большее: онъ былъ сильнымъ и яркимъ выразителемъ оппозиціоннаго настроенія народныхъ массъ; онъ видѣлъ, что пришло время, когда можно посмѣть и рѣшиться на

многое, ибо голытьбы на Дону становилось слишкомъ обильно и отъ нея на Дону становилось слишкомъ тѣсно. Народная пѣсня знаетъ и помнитъ тяготѣніе Разина именно къ голытьбѣ.

«Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, казаками, думы не думывалъ,
Ходилъ—гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпкую думушку съ голытьбою».

Естественно, голытьба, видя, что Степанушка радѣетъ объ ея интересахъ, сама стала тяготѣть къ Разину, сдѣлала его своимъ кумиромъ и вождемъ. Пѣсня подчеркиваетъ эту тѣсную связь Разина и голытьбы на почвѣ кровныхъ интересовъ и вкусовъ послѣдней, на почвѣ той пропаганды, которую велъ Степанушка среди «кабацкой голи»:

«Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять;
Разобьемъ, братцы, басурмански корабли—
Возьмемъ мы казны сколько надобно!»

Этотъ призывъ, понятно, не могъ не имѣть успѣха среди тѣхъ, къ кому онъ обращался. Грабежъ это—ближайшая цѣль, на которую устремлялись вождѣленія «вольницы». Эти «братцы» были прежде всего добычники, не стѣснявшіеся въ средствахъ. При этомъ убійство являлось обыкновеннѣйшимъ изъ путей, ведшихъ къ пріобрѣтенію чужой собственности; вслѣдствіе чего, кромѣ привычнаго грабителя, изъ удалого добраго молодца получался привычный убійца. Вся вольница была скора на убійство, но и въ средѣ этихъ закаленныхъ злодѣевъ были такіе, которые выдавались особенною свирѣпостью, доставлявшею имъ страшное имя... Имя Стеньки Разина

скоро, по полученіи имъ извѣстности у «голи кабацкой», затмило мрачную славу всѣхъ остальныхъ атамановъ. Разинъ отличался какою-то капризною причудливостью въ своихъ поступкахъ и тѣмъ еще болѣе поражалъ воображеніе окружавшей его толпы. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, что въ необузданной жестокости Разина было много нездороваго, ненормальнаго... По взятіи Астрахани Разинъ побилъ многихъ начальныхъ людей, въ томъ числѣ и астраханскаго воеводу кн. Прозоровскаго. Послѣ убитаго воеводы осталась вдова съ двумя сыновьями—16 и 8 лѣтъ; Разинъ потребовалъ къ себѣ сначала старшаго и, допросивъ его о казнѣ, собиравшейся въ Астрахани съ торговыхъ людей, приказалъ его повѣсить за ноги на городской стѣнѣ вмѣстѣ съ подъячимъ, повѣшеннымъ за ребро; послѣ того былъ отнятъ у матери и младшій и повѣшенъ тѣмъ-же образомъ, какъ старшій; на другой день отъ Разина послѣдовало новое распоряженіе—старшаго Прозоровскаго сбросить со стѣны, а младшаго снять, высѣчь и отдать матери. Не просто, а съ выдумкой «казнилъ» Разинъ, и эта повадка вызывала подражаніе въ его вольницѣ. Не даромъ, какъ разсказываютъ, казаки начиняли женщинъ порохомъ и, поджигая его, увеселялись получавшимся эффектомъ. Необузданный разгулъ, которому предавался Разинъ со всѣмъ своимъ войскомъ, несомнѣнно являлся ближайшей патологической причиной многихъ безцѣльныхъ злодѣйствъ, совершенныхъ ими. Вѣдь это была «голь кабацкая», пріобрѣтшая казны «сколько надобно», которую надобно было пропить. Вѣдь и за добычей эта «голь» бросилась прежде всего потому, что состояла изъ гулякъ и отчаянныхъ головъ, готовыхъ на все, лишь-бы удовлетворить своему неудержимому желанію развернуться во всю ширь

своей буйной натуры. И народная пѣсня, и историческій актъ знаютъ этихъ людей такими:

«Что пропились, робятушки, промоталися,
Во косточки и въ карты проигралися,
На что-то мы, робятушки, понадѣялись?
Понадѣялись мы, робятушки, на сине море,
Что на синее море, Хвалынское!» [1])

Пойманный «гулящій человѣкъ воръ Стенька Филипповъ» показалъ: «онъ, де, былъ подъ Астраханью въ воровствѣ и дуваны ималъ, а грабленые, де, животы, которые ему Стенькѣ доставались съ дувановъ, всѣ пропилъ и проигралъ» [2]). И подобными Стеньками были всѣ въ дружинѣ самого большого изъ нихъ Стеньки Разина. Всѣ эти «добрые молодцы» почти постоянно были пьяны. А въ этомъ вѣчномъ пьяномъ угарѣ замирали послѣдніе проблески чувства жалости и состраданія, и изъ глубины, отуманенной зеленымъ виномъ, души поднимался накопленный вѣками горькій осадокъ классовой ненависти, поднимались одни разрушительные инстинкты. Въ такомъ состояніи Разинъ по временамъ впадалъ въ какой-то экстазъ прихотливой необузданности и, вѣроятно, въ одинъ изъ подобныхъ моментовъ сильнаго возбужденія Разинъ утопилъ въ Волгѣ свою любовницу, персидскую княжну. Этотъ всѣмъ извѣстный эпизодъ не лишенъ нѣкоторой театральной картинности, позы, и историческую достовѣрность его можно было бы заподозрить, если бы о немъ не свидѣтельствовали два самыхъ разнородныхъ источника—разсказъ иностранца—современника и почти очевидца—событія и народное преданіе. Катаясь однажды

[1]) Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, вып. 8, стр. 315.
[2]) Акты историч., т. IV, стр. 410.

на стругѣ подъ Астраханью и разгоряченный виномъ, Разинъ внезапно вскочилъ, схватилъ сидѣвшую рядомъ съ нимъ красавицу-персіанку и, обратившись къ Волгѣ, сказалъ: «Волга, ты славная рѣка, ты доставила мнѣ много богатства, злата и серебра, ты отецъ и мать моей извѣстности, и я до сихъ поръ ничѣмъ не одарилъ тебя, не останусь болѣе неблагодарнымъ». И, схвативъ княжну одной рукой за горло, другой за ноги, бросилъ ее въ Волгу. Большею частью Стенька убивалъ начальныхъ людей, приказывалъ надъ ними «надругаться всячески, колоть и сажать въ воду»; но иногда онъ придумывалъ иныя необычайныя наказанія. Такъ во время перваго своего набѣга на Волгу, захвативъ здѣсь царскій стругъ, Разинъ по отношенію къ главному на немъ служилому человѣку ограничился тѣмъ, что приказалъ снять съ него платье и нагого оставить его на пескѣ, на берегу Волги, «съ государевою казною» [1]).

Понятенъ былъ Степанъ Тимофеевичъ своимъ «робятушкамъ», а потому и любъ. Онъ былъ крупною, мощною фигурой, но все-таки онъ былъ плотью и кровью казацкой вольницы, отличаясь отъ нея только размѣрами своего ума и воли и ничѣмъ болѣе. Въ свободное отъ казацкаго «промысла» время Разинъ не прочь былъ сходить на богомолье въ отдаленный монастырь; такъ есть извѣстіе, что онъ паломничалъ въ Соловки, можетъ быть, отчасти и для развѣдокъ о томъ, что говорятъ въ народѣ и вообще о положеніи дѣлъ въ Московскомъ государствѣ; но нѣкоторое почтеніе къ обычаямъ православія не вытекало у Разина изъ глубокаго религіознаго чувства и легко превращалось въ неуваженіе религіи. Собственно

[1]) Матеріалы, стр. 6, 22.

индиферентистъ въ «вѣрѣ», увлекаемый ненавистью къ существовавшему въ Московскомъ государствѣ укладу жизни, Разинъ предъ своими сподвижниками относился рѣзко-отрицательно къ церкви, ея обрядамъ и представителямъ, проповѣдуя, что можно обходиться и безъ церквей и поповъ, а браки совершать подъ деревьями [1]). Товарищи Разина были подобныхъ же воззрѣній и настроенія: въ воззрѣніяхъ у нихъ много было общаго съ остальною Русью, а настроеніе, какъ у людей, вырвавшихся на волю, было очень капризно и нерѣдко шло въ разрѣзъ съ усвоенными отъ отцовъ и дѣдовъ обычаями. Въ указанной однородности понятій и настроенія Разина съ его товарищами заключалась его сила, такъ какъ во взаимномъ пониманіи былъ лучшій залогъ его «воровскихъ» успѣховъ; но въ этомъ-же, какъ увидимъ, обнаружилась и его слабость, ибо ничего болѣе того, что могло дать казачество русскому народу, не могъ дать и самъ талантливѣйшій вождь вольницы.

Привязавъ къ себѣ голытьбу своею личностью и своими подвигами въ добываніи вмѣстѣ съ нею казны «сколько надобно», Разинъ самъ считалъ себя признаннымъ вождемъ этой части донского каза-

---

[1]) Sentence de Mort contre Stenko Razin: ...«et lors que vous etiez sur la rivière de Don, vous blaphemâtes contre le saint nom de notre Sauveur Jesus-Christ, deffendant de batir des eglises, et de faire le divin service dans celles qui estoient deja bâties, chassant tous les prestres et empeschant que l'on se mariast avec les ceremonies usitées dans le christianisme; mais voulant que sans autre formalité les mariages s'accomplissent sous des arbres». (Матеріалы, стр. 228: «взято изъ современной книжки: Relation des particularités de la Rebellion de Stenko Razin съ удержаніемъ правописанія и знаковъ препинанія»).

чества. Вотъ какъ велъ себя «Степанушка» на Дону по отношенію къ атаману домовитыхъ казаковъ Корнилѣ Яковлеву и къ царскому посланцу въ то время, когда Разинъ былъ человѣкомъ уже съ громкою славою, успѣшно погулявшимъ и по морю—въ Персію, и по Волгѣ, человѣкомъ, наведшимъ страхъ и трепетъ на астраханскихъ воеводъ и заставившимъ серьезно съ собой считаться московское правительство... Войсковой атаманъ Корнило Яковлевъ собралъ кругъ, чтобы выбрать станицу для посылки въ Москву вмѣстѣ съ царскимъ посланцемъ Евдокимовымъ. Послѣдній привезъ донскому войску государеву грамоту, въ которой хвалилось казацкое званіе, спрашивалось о здоровьѣ атамановъ казаковъ и обѣщалась присылка обычныхъ запасовъ. Эта грамота была прочитана въ предшествовавшемъ кругу, въ которомъ Разина не было; на новое же собраніе онъ явился, вошелъ въ кругъ со своими казаками и спросилъ: «Куда станицу выбираете?» Ему объяснили. Тогда Разинъ велѣлъ привести Евдокимова въ кругъ, и это было исполнено. «Отъ кого пріѣхалъ?—спросилъ Разинъ Евдокимова, — отъ великаго государя или отъ бояръ?» — «Отъ великаго государя съ милостивою грамотою», — отвѣчалъ тотъ. Этотъ отвѣтъ взорвалъ Разина. Закричавъ на Евдокимова, что онъ пріѣхалъ не съ грамотою, а лазутчикомъ, и изругавъ царскаго посланца, Стенька бросился его бить, а избивъ «до полусмерти, посадилъ въ воду въ Донъ-рѣку». Тутъ, наконецъ, выступилъ оффиціальный глава донского войска, атаманъ Корнило Яковлевъ и началъ говорить Разину, что онъ «такъ учинилъ непригоже». Атаманъ «воровскихъ казаковъ» не потерялся: онъ пригрозилъ Корнилѣ Яковлеву тѣмъ же, что постигло царскаго слугу, и сказалъ: «Ты владай своимъ войскомъ, а я владѣю сво-

имъ войскомъ [1]). И Корнило Яковлевъ съ домовитыми долженъ былъ признать фактъ существованія на Дону другого казацкаго войска съ особымъ, своимъ вождемъ. Подобные сообщенному поступки Разина внушали его товарищамъ убѣжденіе, что онъ все можетъ, и давали тонъ и направленіе всему развивавшемуся среди голытьбы движенію. Когда же Разинъ началъ брать волжскіе города и, истребляя воеводъ, дьяковъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и приказныя дѣла, приступилъ къ установленію казацкаго порядка, то и вообще низшіе классы населенія стали вѣрить, что наступило время освобожденія отъ всѣхъ тягостей московскаго государства, отъ воеводъ, приказныхъ и помѣщиковъ. Ласковое отношеніе и безмѣрная щедрость Разина къ бѣдному, простому люду довершали очарованіе низшихъ общественныхъ слоевъ могучимъ атаманомъ, славнымъ небывалыми успѣхами и подвигами; вмѣстѣ съ тѣмъ народъ еще болѣе проникался уваженіемъ къ казацкому строю жизни. Освобождая ссыльныхъ, давая судовымъ рабочимъ волю — и и, куда хочешь,—или принимая ихъ въ казаки [2]), Разинъ во время перваго своего набѣга на Волгу за «зипунами» пріобрѣлъ любовь къ себѣ всѣхъ меньшихъ людей, неимущихъ: въ его ватагу шли охотно [3]). Во время второго, гораздо болѣе серьезнаго похода на Волгу, походившаго уже не столько на разбойничье, сколько на анти-правительственное и анти-общественное казацкое предпріятіе, Разинъ привѣтствовалъ высланныхъ противъ него стрѣльцовъ такъ: «Здравствуйте, братья! Мстите теперь вашимъ му-

---

[1]) Матеріалы, стр. 191, 195 и 196.
[2]) Матеріалы, стр. 21, 22.
[3]) Матеріалы, стр. 23; ср. Костомаровъ, стр. 431.

чителямъ, что хуже турокъ и татаръ держали васъ въ неволѣ: я пришелъ даровать вамъ льготы и свободу. Вы мнѣ братья и дѣти, и будете вы такъ же богаты, какъ я, если останетесь мнѣ вѣрны и храбры». Подобныя привѣтствія производили на толпу потрясающее впечатлѣніе: толпа вѣрила, что она дѣйствительно—братья и дѣти, а Степанъ Тимофеевичъ—батюшка. «Здравствуй, нашъ батюшка Степанъ Тимофеевичъ»,—кричала она, и этотъ крикъ съ «матушки» Волги громкимъ, внятнымъ эхомъ отозвался въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ русской земли и заставилъ затрепетать радостью ожиданія сердца чернаго люда. Говоря вообще Разинъ былъ силенъ тѣмъ, что объявилъ народу освобожденіе, волю. Разинъ говорилъ, что онъ не хочетъ быть царемъ, а стремится только къ добру и пользѣ для всего народа. Добро и пользу онъ понималъ, разумѣется, по своему, по казацки. Пріобрѣтеніе имущества высшихъ классовъ и раздѣленіе этого имущества поровну между собой было ближайшимъ стремленіемъ Разина и его казаковъ, а за ними и всѣхъ неимущихъ, обездоленныхъ людей. Казаки дуванили добычу, и иного идеала распредѣленія имѣющихся въ обществѣ цѣнностей они не могли предложить и простому народу. Къ тому же такой взглядъ на распредѣленіе имуществъ находилъ полное признаніе, какъ самый правильный, и въ народныхъ массахъ, вытекая изъ убѣжденія, что бояре, приказные и купцы наживаютъ богатства неправедными путями, что всѣ они—лиходѣи народные... Второе, къ чему стремился Разинъ съ товарищами, это—введеніе казацкаго устройства повсюду, обращеніе всего народа въ вольныхъ казаковъ, и это казацкое стремленіе вполнѣ совпадало съ симпатіями, каковыя питалъ къ казачеству каждый простой человѣкъ на Руси, хорошо испытавшій на себѣ воеводско-

приказное управленіе съ его способной разорить всякаго ужасной «московскоіі волокитой». Разинъ отлично зналъ ненависть народа къ этой волокитѣ, ко всякой приказной бумагѣ, почему такъ усердно и жегъ приказныя дѣла, вызывая тѣмъ къ себѣ громадное народное сочувствіе. Этими своеобразными ауто-да-фе Разинъ какъ-бы хотѣлъ отпраздновать свое мѣстное торжество надъ старымъ приказнымъ, бюрократическимъ порядкомъ и наступленіе новаго казацкаго порядка. Дѣйствительно, во всѣхъ взятыхъ Разинымъ городахъ вводилось казацкое устройство: все населеніе города составляло кругъ, который пользовался распорядительной властью; онъ выбиралъ атамановъ, есауловъ, сотниковъ и десятниковъ, сообразно съ казацкимъ административно-военнымъ раздѣленіемъ города на тысячи, сотни и десятки.

И такъ, казацкіе дуванъ и кругъ съ выборнымъ атаманомъ во главѣ—вотъ идеалъ Разина и его вольницы. Этотъ идеалъ, вообще совпадавшій съ понятіями, чувствами и вкусами низшихъ классовъ, вызывалъ къ себѣ народную симпатію главнымъ образомъ потому, что онъ несъ съ собой «волю», освобожденіе городскихъ черныхъ людей отъ тяжелыхъ финансовыхъ повинностей, отъ произвола приказно-воеводскаго управленія, отъ притѣсненія богачами-купцами, освобожденіе боярскихъ людей и крестьянъ отъ холопской и крѣпостной зависимости, освобожденіе всѣхъ, подпавшихъ подъ тотъ или другой гнетъ въ боярско-владѣльческомъ царствѣ. Коренной интересъ низовъ населенія сводился прежде всего къ освобожденію, а потомъ къ пріобрѣтенію, къ тому, чтобы стать не только вольнымъ, но и богатымъ, какъ Стенька Разинъ. Вождь вольницы это и обѣщалъ народу. Въ своихъ обращеніяхъ къ народнымъ массамъ Разинъ твердилъ: «идетъ,

де, онъ установить на Руси казачество и учинить такъ, чтобы всякъ всякому былъ равенъ». Удивительно-ли, что воззваніе такого рода имѣло великій успѣхъ въ низшихъ слояхъ населенія повсюду, куда доходили «прелестныя письма» Разина, распространяемыя его агентами, или же просто долетала слава о невиданномъ казацкомъ атаманѣ, разносимая по всей Руси стоустой молвой. Броженіе сказывалось въ самой Москвѣ: и тамъ чернь ждала съ нетерпѣніемъ провозвѣстника «воли» и всего добраго для простого народа, говоря, что Разинъ вовсе не воръ. «Народъ,—толковали въ Москвѣ,—долженъ встрѣтить его съ почестями, съ хлѣбомъ и солью» [1]). Пропагандируя казацкій укладъ жизни, Разинъ, однако, не могъ не считаться съ двумя большими силами Московскаго царства: съ двумя государями, свѣтскимъ и церковнымъ, царемъ и патріархомъ. Дѣло въ томъ, что въ широкихъ народныхъ массахъ, въ городѣ и селѣ съ давнихъ поръ жило убѣжденіе, что всякія тягости и притѣсненія идутъ на народъ не отъ царя, а отъ бояръ, злоупотребляющихъ царскимъ довѣріемъ, заслоняющихъ царя отъ народа; бояре прямо-таки держатъ царя въ невѣденьѣ и даже въ неволѣ, самъ же царь—носитель только правды и справедливости, въ его рукахъ праведный судъ и оборона народа; но до царя далеко, все равно, какъ до Бога высоко. Правда, не всегда и не вездѣ выражалось такое убѣжденіе; на царя, какъ мы видѣли, и сердились по временамъ, но вѣдь и на Бога иногда сердятся, однако это не мѣшаетъ имѣть къ нему культъ; такъ и огорченія отъ царя и на него досада въ общемъ не мѣшали русскому народу питать къ царю чувства, аналогичныя съ религіознымъ культомъ, чувства бла-

[1]) Костомаровъ, стр. 471.

говѣнія и страха. Въ виду этого, Разину ничего не оставалось, какъ объявить народу, что царь находится въ неволѣ у бояръ-измѣнниковъ; отсюда вытекала необходимость идти противъ бояръ-измѣнниковъ для освобожденія и царя; такимъ образомъ и особа царя была включена въ разрядъ всѣхъ, нуждавшихся въ освобожденіи. Стрѣльцы, высланные противъ Разина, охотно вѣрили, когда слышали отъ казацкой дружины такія рѣчи: «Вы бьетесь за измѣнниковъ, а не за государя, а мы бьемся за государя» [1]), и переходили на сторону Разина или, согласно этому заявленію,— «государя». Повѣрить объ измѣнникахъ было не такъ трудно, ибо бывало, что и самъ царь, какъ было указано выше, иногда повелѣвалъ своимъ довѣреннымъ служилымъ людямъ «оборонять» народъ отъ бояръ. Теперь выходило не очень яснымъ одно: какое положеніе займетъ царь по введеніи казацкаго общественнаго устройства,— долженъ-ли онъ будетъ обратиться въ вольнаго казака или батюшка Степанъ Тимофеевичъ принужденъ будетъ уступить царю постъ главнаго атамана; но Разинъ не заботился объ особой ясности своей политической программы; да и къ царю лично относился не очень почтительно, когда хвалился, что онъ сожжетъ «на верху у государя» всѣ дѣла. Товарищи Разина не отставали отъ него и въ Астрахани про царя говорили такія рѣчи, что, какъ показывалось на допросахъ, и «помыслить страшно». Разинъ стремился прежде всего поднять народныя массы, и ради этой ближайшей цѣли пускалъ въ ходъ всѣ средства, бывшія у него подъ рукой. Заявленіемъ, что идетъ за государя, Разинъ, зная народное отношеніе къ царю, хотѣлъ до извѣстной степени легализировать начатое имъ

---

[1]) Матеріалы, стр. 7.

движеніе. Въ этихъ именно видахъ Разинъ распространялъ, что у него на стругу находится царевичъ Алексѣй, незадолго до того умершій.

Но у вождя вольницы было желаніе придать движенію санкцію и со стороны духовной власти, со стороны великаго государя-патріарха, большого значенія котораго тоже нельзя было игнорировать, и вотъ пущенная молва добавляла, что, кромѣ царевича Алексѣя, на разинскомъ стругѣ находится еще патріархъ Никонъ, незадолго предъ тѣмъ лишенный сана и жившій въ заточеніи на Бѣлоозерѣ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ. На патріарха Никона у казаковъ еще до начала движенія были виды: трое богомольцевъ съ тихаго Дона по пути въ Соловки заходили къ низверженному патріарху и звали его съ собой на Волгу. Никонъ, разумѣется, на Волгу не пошелъ, на «ту,—какъ онъ говорилъ,—воровскую прелесть не подался», но понялъ, что готовится большое «воровское собраніе» и, умолчавъ о приходившихъ къ нему казакахъ, пропавшихъ «невѣдомо куда», предсказывалъ тогда о смятеніи и кровопролитіи, яко бы возвѣщеннымъ ему самимъ Божествомъ. Этотъ эпизодъ съ Никономъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что здѣсь вскрывается, какъ будто бы, попытка казаковъ къ освобожденію изъ неволи и того, кто былъ нѣкогда «собиннымъ пріятелемъ» царя Алексѣя Михайловича.

Если пропаганда борьбы съ измѣнниками-боярами за государя имѣла всѣ шансы на успѣхъ, то надежды, возлагавшіяся на молву о присутствіи при Разинѣ патріарха Никона, являлись мало основательными, ибо уже начался расколъ, и Никонъ былъ непопуляренъ въ народѣ вообще и въ особенности среди оппозиціонныхъ его элементовъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ Разинъ, лично слиш-

комъ индиферентный къ вопросамъ вѣры, не уловилъ отрицательнаго народнаго отношенія къ патріарху-осквернителю церкви «новшествами» и, намекая на солидарность съ нимъ патріарха Никона, сдѣлалъ крупную политическую ошибку.

Такъ обставлена была Разинымъ пропаганда возстанія противъ государственнаго и общественнаго строя Москвы.

Чтобы дать народу свободу въ казацкихъ формахъ, Разинъ прежде всего предпринялъ истребленіе бояръ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, приказныхъ, истребленіе вообще всякаго чиноначалія и власти, о чемъ онъ и заявлялъ лично и въ прокламаціяхъ. Такъ подъ Царицынымъ, въ кругу, Разинъ говорилъ «всѣмъ своимъ казакамъ, чтобъ имъ идти вверхъ по Волгѣ, подъ государевы городы и воеводъ изъ городовъ выводить или бъ итти къ Москвѣ противъ бояръ». Предложеніе Разина было принято кругомъ [1]). Казацкая программа дѣйствій хорошо характеризуется и слѣдующимъ приговоромъ астраханскаго круга (по введеніи въ Астрахани казацкаго устройства): «атаманы, и всѣ донскіе, и астраханскіе, и терскіе, и гребенскіе казаки, и пушкари, и затинщики, и посадскіе люди, и съ гостина двора торговые люди, написали межъ собой письмо, что жить здѣсь, въ Астрахани, въ любви и совѣтѣ, и никого въ Астрахани не побивать и стоять другъ за друга единодушно, и идти деимъ вверхъ и побивать и выводить измѣнниковъ-бояръ» [2]). Эта резолюція была составлена кругомъ послѣ того, какъ уже много начальнаго люду погибло отъ казаковъ въ Астрахани. Истреблялись начальные люди и

---

[1]) Матеріалы, стр. 15.

[2]) Акты историч., т. IV, стр. 433.

въ другихъ мѣстахъ, хотя и не всѣ поголовно: «выводились» тѣ воеводы и приказные, которые были «облихованы міромъ», но такихъ облихованныхъ сказалось огромное большинство; лишь очень немногіе были «одобрены» и остались въ живыхъ. Во всякомъ случаѣ въ движеніи отчетливо обозначалось стремленіе не только ввести новый порядокъ, но и произвести судъ надъ наиболѣе виновными, по мнѣнію «міра», представителями стараго порядка, свести съ ними с т а р ы е счеты. Подъ вліяніемъ успѣховъ Разина, подъ вліяніемъ его пропаганды при помощи «прелестныхъ писемъ», движеніе съ быстротою сильнѣйшей эпидеміи распространилось по обширному, извѣстному намъ, раіону. Въ селахъ и деревняхъ крестьяне начали истреблять владѣльцевъ и ихъ приказчиковъ. Какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ убійства сопровождались грабежомъ, пьянствомъ и развратомъ. Разинское настроеніе было въ этотъ моментъ неотразимо. Оно всецѣло захватило даже иныхъ церковно-священно-служителей; такъ, напр., попъ Савва да 18 крестьянъ изъ разныхъ селъ, приставъ къ казакамъ, бились со служилыми государевыми людьми, «бунты многіе заводили, домы грабили и мн гимъ женскому полу чинили поруганіе, а иныхъ запытали до смерти» [1]). Вообще, припоминая событія и «дѣянія» разинскаго движенія, мы должны согласиться, что оно запечатлѣно стихійно-анархическимъ характеромъ. Въ этомъ и заключается одна изъ главнѣйшихъ причинъ, что въ концѣ концовъ движеніе постигла неудача.

Отрицательная тенденція изучаемаго движенія—истребить бояръ и отмстить сильнымъ и имущимъ людямъ за всѣ политическія и соціальныя несправедливости превали-

[1]) Матеріалы, стр. 107.

ровала надъ положительной — образовать, вмѣсто московскаго государства, гигантское казацкое общество-царство. Затѣмъ, самая положительная уравнительная тенденція не только стояла въ противорѣчіи съ буржуазными инстинктами всѣхъ, мало-мальски экономически правоспособныхъ общественныхъ элементовъ въ московскомъ государствѣ, но и мало согласовалась съ фактическимъ состояніемъ домовитаго казачества. Равенство, провозглашенное Разинымъ, было идеаломъ казачества въ его чистомъ видѣ, казацкой вольницы, но къ нему несочувственно относилась казацкая буржуазія. Могло-ли, послѣ этого, казацкое устройство, въ основѣ коего былъ положенъ принципъ полнаго равенства, могло-ли оно имѣть прочный успѣхъ въ обществѣ, проникнутомъ до самыхъ нѣдръ своихъ соціальнымъ неравенствомъ, въ обществѣ, въ которомъ соціальное неравенство было базисомъ?.. Конечно нѣтъ. Самое бо́льшее, что можно было ожидать, это то, что случилось: мимолетный успѣхъ казацкаго устройства у неимущаго населенія во взятыхъ казацкой вольницей городахъ... Буржуазное общество во-время спохватилось. Когда возстаніе народныхъ обездоленныхъ массъ разлилось широко и сдѣлалось грознымъ, это общество московскаго государства поняло, что рѣчь пошла о самосохраненіи, и тогда оно напрягло всѣ свои организованныя, плохо-ли, хорошо-ли, но организованныя силы и подавило стихійное народное возстаніе, начатое казацкой голытьбой и бывшее въ послѣднемъ счетѣ обостреннымъ проявленіемъ борьбы неимущихъ съ имущими.

Таковы важнѣйшія черты Разиновщины.

Заключеніе: соціологическое и психологическое значеніе Разиновщины.

Теперь, въ заключеніе, подчеркнемъ двѣ стороны этого сложнаго явленія. Разиновщина прежде всего явленіе соціологическое. Начало ея, относящееся къ 1668 г., характеризуется, какъ простой казацкій набѣгъ за добычей на Волгу и на море; но избытокъ голытьбы на Дону, давшій возможность «собраться» сильной «воровской» шайкѣ, продолжалъ благопріятствовать ея предводителю, и онъ въ 1670 г. предпринялъ уже не съ шайкой, а съ цѣлымъ казацкимъ войскомъ борьбу противъ государства. Съ государствомъ казацкая голытьба вообще не могла примириться: его устои находились въ полномъ противорѣчіи съ обычаями казаковъ, главнымъ образомъ съ обычаемъ болѣе чѣмъ безпечно относиться къ чужимъ «зипунамъ», къ чьей бы то ни было собственности; но государство осязательно давало себя чувствовать и вообще простому народу, вслѣдствіе чего казацкое движеніе, имѣвшее ближайшею цѣлью свои интересы—добычу, совпало съ интересами низовъ городского населенія и обратилось въ возстаніе городовъ противъ боярско-приказной администраціи. Слѣдующею стадіею движенія является возмущеніе крестьянской русской и инородческой массы противъ того же боярско-приказнаго управленія, а также и противъ помѣщиковъ; такимъ образомъ, движеніе изъ чисто разбойничьяго, превратившись въ политическое, подъ конецъ получило и соціальный оттѣнокъ. «Воровское собраніе» на Дону около Разина никогда бы не развилось въ движеніе политическаго и соціальнаго характера, если-бы не народное недовольство, вызванное тягостями политиче-

скаго режима и соціальнаго быта, если-бы не готовность народныхъ массъ подняться противъ тѣхъ, кого онъ считалъ виновниками всѣхъ своихъ бѣдъ. Возбужденный смѣлымъ предпріятіемъ голутвенныхъ казаковъ, народъ поддержалъ Разина и тѣмъ самымъ создалъ Разиновщину, но у Разина и казацкой вольницы не оказалось достаточныхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ поддержать народъ, и послѣдній ничего не получилъ отъ Разиновщины, кромѣ новаго горя по подавленіи мятежа.

И такъ, изучая Разиновщину, мы можемъ уяснить себѣ, какъ бездомная часть казачества и низшіе слои населенія реагировали на тяжелое положеніе народныхъ массъ въ московскомъ государствѣ XVII-го вѣка. Лишенныя возможности повліять на характеръ управленія и ходъ законодательства на легальной почвѣ, эти массы, вслѣдъ за казацкой вольницей, перешли на нелегальную или, по оффиціальному выраженію того времени, на «воровскую» и высказались по казацки—«воровскимъ обычаемъ» и соотвѣтственно низкой степени культуры задавленнаго государственнымъ и соціальнымъ ярмомъ народа... Это—одна сторона вопроса. Другая заключается вотъ въ чемъ. Разиновщина, ничего не измѣнивъ въ условіяхъ политическаго и соціальнаго существованія народа, оставила глубокій слѣдъ въ народной психикѣ. Будучи произведеніемъ извѣстнаго настроенія массъ, созданнаго дѣйствовавшими съ давнихъ поръ общими условіями жизни, а также и ея новыми явленіями и событіями, Разиновщина оставила послѣ себя яркія и любимыя воспоминанія. Разиновщина, мы знаемъ, была крупнымъ обостреніемъ хронической народной оппозиціи, и когда этотъ моментъ процесса прошелъ, то она, благодаря воспоминаніямъ, сдѣлалась психологическимъ элемен-

томъ не исчезнувшей, съ подавленіемъ мятежа, народной оппозиціи, психологическимъ прецедентомъ, способнымъ, при подходящемъ случаѣ, оживлять разинское настроеніе въ народѣ. Такимъ образомъ, подъ терминомъ «Разиновщина» можно разумѣть не только опредѣленную политическую и соціальную борьбу, извѣстный историческій фактъ, но и опредѣленный комплексъ чувствъ и стремленій, вызываемый живущими въ народѣ воспоминаніями о знаменитомъ вождѣ «голи кабацкой», «голутвеннаго» казачества и чернаго, простого народа.

Мрачныя картины казацкихъ звѣрствъ и насилій потускнѣли въ народной памяти, но народъ запомнилъ, какъ Разинъ съ товарищами «попили, поѣли, поцарствовали, а потомъ на отвалъ пошли»: запомнились богатство и слава Разина и его обѣщаніе дать волю и богатство всѣмъ бѣднякамъ... И вотъ за все это народъ въ своей пѣсенной поэзіи поставилъ «батюшку» Степана Тимофеевича высоко, выше даже любимаго своего древняго богатыря Ильи Муромца: самъ матерой старый казакъ Илья оказался у «Степанушки» только въ есаулахъ. Въ Разинѣ олицетворился народный идеалъ физической и духовной мощи «вольнаго» человѣка. Этотъ громадный размахъ воли Разина, не знавшей, казалось, никакихъ препятствій и осмѣлившейся на многое, на что не способенъ пойти обыкновенный человѣкъ, произвелъ на народъ особенно сильное впечатлѣніе. Разина и при жизни народъ считалъ колдуномъ, чародѣемъ, и эта репутація такъ и осталась за нимъ въ народныхъ пѣсняхъ и въ преданіяхъ. Народъ знаетъ, что Разинъ былъ великій грѣшникъ и думаетъ, что его за грѣхи земля не приняла и что онъ придетъ снова, когда «на Руси грѣхи умножатся»; но въ общей народной оцѣнкѣ Разинъ не злодѣй, а доб-

рый молодецъ, батюшка Степанъ Тимофеевичъ или Степанушка, а его товарищи не разбойники, а только «Разина работнички», и пѣсня отмѣчаетъ тяжелую скорбь тихаго Дона по поводу поимки и казни любимаго атамана.

«Помутился славный, тихій Донъ
Отъ Черкаска до Чернаго моря!
Помѣшался весь казачій кругъ:
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимофеевича, по прозванью
Стеньки Разина.
Поимали добра молодца,
Завязали руки бѣлыя,
Повезли во каменну Москву
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

Съ глубокимъ сочувствіемъ относится пѣсня и къ гибели Разинцевъ.

«Вы, дружья ли наши, братцы товарищи!
Лѣса наши всѣ порублены,
А кусты наши всѣ поломаны,,
Всѣ станы наши разорены,
Всѣ дружья наши товарищи переловлены,
Во крѣпкія тюрьмы наши товарищи посажены,
Рѣзвы ноженьки въ кандалахъ заклепаны,
У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
Грозные сторожи, бравые солдатушки:
Никуды-то намъ, добрымъ молодцамъ,
ни ходу, ни выпуску,
Ни ходу, ни выпуску изъ крѣпкой тюрьмы [1]).

Сочувствіе къ Разину и его товарищамъ, которое вообще слышится въ народной пѣснѣ, собственно и знаменуетъ, что Разиновщина, какъ настроеніе, не исчезла

[1]) Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, т. II, стр. 157.

изъ народной души, и въ ней находятъ откликъ и гордыя, властныя слова пѣсенныхъ Разинцевъ про свою безсовѣтную удаль и силу:

«Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ».

6-го іюня 1671 г. въ Москвѣ на Лобномъ мѣстѣ воровской атаманъ Стенька Разинъ былъ четвертованъ, а въ 1688 г. на Дону, гдѣ домовитое, буржуазное казачество было отблагодарено московскимъ правительствомъ за выдачу Разина, проснулось разинское настроеніе или, по выраженію историка Соловьева, «разинскимъ духомъ» снова запахло: Москвѣ отсюда грозили новымъ возстаніемъ, какое было при Разинѣ [1]).

Прошло сто лѣтъ.

Міръ опять закачался: донской казакъ Пугачевъ подарилъ Россіи Пугачевщину. Однако Пугачевщина не затмила собой Разиновщины. Кромѣ факторовъ соціальной жизни, произведшихъ новую государственную встряску, здѣсь большое значеніе имѣла и коллективная психологія: въ народѣ былъ живъ «разинскій духъ».

Прошло еще сто лѣтъ.

Юго-восточныя окраины давно уже были скованы съ центральными областями прочною военно-административною цѣпью. «Зипуны» и многое другое стало можно добывать на Волгѣ кому угодно, только не «голи кабацкой». «Грозные сторожи, бравые солдатушки» крѣпко берегли сильно выросшіе города, давившіе своимъ величіемъ всю окружающую ихъ, по прежнему сѣрую, забитую нуж-

[1]) Дружининъ, Расколъ на Дону, стр. 173.

дой и невѣжествомъ народную массу. Казалось, гдѣ тутъ уцѣлѣть въ народѣ «разинскому духу»? А между тѣмъ «разинскій духъ», хотя и выродился, но не исчезъ... Это мы всѣ недавно узнали отъ прогремѣвшаго на весь міръ писателя, который подмѣтилъ «разинскій духъ» въ современной «голи кабацкой» и изобразилъ его въ яркихъ, живыхъ типахъ. Недаромъ всѣмъ извѣстный Коноваловъ Максима Горькаго съ такимъ страстнымъ вниманіемъ, а подъ конецъ въ непреодолимомъ волненіи, перешедшимъ въ нервный припадокъ, слушалъ чтеніе книги Костомарова о бунтѣ Стеньки Разина. Вотъ гдѣ пріютился «разинскій духъ», когда не стало для него ни рѣчного, ни морского простора, «на днѣ» жизни, по образному выраженію того же писателя. Здѣсь «разинскій духъ» попалъ въ большую неволю, чѣмъ въ старинныхъ московскихъ тюрьмахъ, въ неволю запоя и мелкой, гаденькой, растлѣвающей болѣе, нежели пьянство, жизни босяцкой ночлежки; здѣсь никого не надо стеречь: отсюда и такъ не убѣгаютъ... Къ тому же теперь и некуда больше бѣжать, и у «кабацкой голи» нѣтъ уже той, манившей необъятнымъ просторомъ и волей перспективы, на которую всегда могли разсчитывать «добрые молодцы» старой Руси и на которую бросаютъ поэтическій отблескъ, эти слова разиновской пѣсни:

«Ужъ мы, братцы, разойдемтесь-ка,
Разойдемтесь-ка по дикимъ мѣстамъ».

ВЪ КНІЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

Поставщиковъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18 (по Невскому проспекту). | МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12, и » Моховая ул., 22.

ПРОДАЕТСЯ

РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ:

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Великій писатель Русской Земли, его жизнь, семья, друзья, критики и толкователи — въ портретахъ, гравюрахъ, медаляхъ, живописи, скульптурѣ, каррикатурахъ и т. д. Болѣе 300 иллюстрацій, съ пояснительнымъ текстомъ.

Составили Пл. Н. Красновъ и Л. М. Вольфъ.

Передъ глазами зрителя или читателя въ альбомѣ проходитъ, точно въ калейдоскопѣ, вся жизнь графа Л. Н. Толстого, проходятъ всѣ событія его литературной карьеры, всѣ важнѣйшіе эпизоды и факты его личной жизни. Что касается текста, то онъ представляетъ собою лишь поясненіе къ рисункамъ, цѣль котораго дать возможность ориентироваться среди громадной массы иллюстраціоннаго матеріала.

Большой альбомъ въ изящн. золототисн. коленкор. переплетѣ. Цѣна 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Имѣются экземпляры на веленевой бумагѣ, цѣною, въ роскошн. перепл., —4 рубля, съ перес. 4 р. 65 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на новое изданіе

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ:

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

ЖИВОГО

ВЕЛИКОРУССКАГО ЯЗЫКА

ВЛАДИМІРА ДАЛЯ.

Третье исправленное и значительно дополненное изданіе, подъ редакціей профессора С.-Петербургск. университета И. А. БОДУЭНА-де-КУРТЕНЭ.

Толковый словарь Даля увѣнчанъ Императорской Академіей Наукъ **Ломоносовской преміей**; Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ удостоенъ **Константиновской медали**; совѣтомъ Императорскаго, б. Деритскаго, нынѣ Юрьевскаго университета награжденъ **полов ой преміей имени Роберта Геймбюргера**; Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. признанъ заслуживающимъ, въ настоящемъ изданіи, **рекомендаціи для пріобрѣтенія по предварительной подпискѣ въ фундаментальныя и ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.**

Толковый словарь Даля будетъ изданъ въ 4 большихъ томахъ, каждый изъ которыхъ будетъ заключать въ себѣ по 10 выпусковъ, объемомъ отъ 6 до 7 печатн. лист. на плотной глазированной бумагѣ, спеціально заказанной для этого изданія. — Подписная цѣна на полное изданіе (4 т. или 40 вып.), безъ перес. 20 руб.; по выходѣ послѣдняго выпуска цѣна будетъ повышена до 25 руб. — Пересылка по дѣйствительной стоимости.—Допускается льготная разсрочка: при полученіи I вып. уплачивается 3 руб. и затѣмъ при полученіи каждаго изъ слѣдующихъ 34 вып. по 50 коп. Послѣдніе 5 вып. выдаются гг. подписчикамъ безплатно.

ПОДПИСКА принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ: Петербургъ, Гостиный Дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Джамгаровыхъ.

Подробное объявленіе о подпискѣ на «Словарь» высылается безплатно, по первому требованію.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00005641022